

A painting of a Moscow courtyard. In the background, a brick building has a sign that reads "ДОСВИДАНИ САСА!". To the left is a yellow building with blue windows. A large tree stands on the right. In the foreground, a dark car is parked, and a child is playing with a hula hoop. A woman in a blue dress is sitting on a bench on the right. The scene is bathed in warm, golden light.

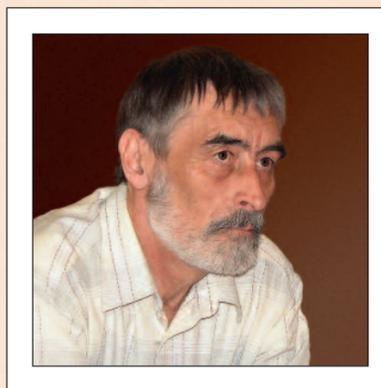
Владимир Парошин

Ж И В О П И С Ь

Москва нашего детства

календарь

2019

Наш календарь приглашает зрителя совершить своеобразную экскурсию по городу Москве. Но город этот очень специфический: некоторых мест уже нет, другие, хотя и адаптировались к современной жизни, заметно изменились. Да и вообще передача деталей городского пейзажа – не самоцель художника – скорее он живописец настроений и тонких, едва уловимых движений души. Так давайте тихо постоим рядом, взглянемся в эти неказистые двory и арки, и может быть где-то там в глубине распахнется маленькая дверца, за которой скрывается тот «край чудесный», куда ушло наше детство...

Владимир Парошин – сибиряк. Лет тридцать назад он приехал в Москву, влюбился в нее и, забыв о поэзии, захватившей его в юности, взялся за кисть. Художник шел к собственной манере через подражание Эль Греко, Модильяни, Врубелю, Левитану. Его цикл городских пейзажей – ностальгическая фантазия, где реальность соседствует с тем, что вроде было, а может, и нет. Это старые тихие двory, настоящие, пока еще существующие. Дома, чью кирпичную суть обнажает облупившаяся штукатурка, кривые лестницы и изогнутые водосточные трубы, полуразрушенные ступени парадных и покореженные ветром крыши с потрескавшейся краской. И окна: запylенные, разбитые и вовсе без стекол. В одном на белой скатерти в заварном чайнике булькает кипяток. В другом – пара кружится в вальсе под скрип патефона. В третьем – тихо дремлет ребенок, в полусне считая падающие звезды. Быль это или небыль? Все узнаваемо и вместе с тем нереально. Да и есть ли на свете этот город, и называется ли он Москвой?

«Я художник, поэтому должен все как-то трансформировать, убирая случайные детали, – поясняет Владимир. – Все подчинено некой главенствующей идее, которую я порой не могу для себя литературно обозначить. Двор для меня – живая субстанция. Пространство, в которое нужно войти самому и ввести за собой зрителя».

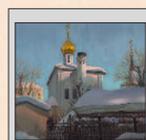
Парошина никак не назовешь академистом – уход от правильных пропорций стал его авторским приемом, находкой, позволяющей зрителю расслабиться и принять художника как старого знакомого. Оттого парошинские аллегории так легко читаются. Вот забытый во дворе детский мячик на картине «Лето прошло». «Он лежит запylенный. Брошенный и никому не нужный, – говорит художник. – Мгновение жизни прошло и уже не вернется. Это печаль, но она светла. Эта печаль – верная собака моей памяти». А вот сгорбленный старик, удаляющийся вглубь засыпанного осенней листвой дворика, – старость. Бешеный ритм и неуютность современной жизни в несущихся машинах и искрящейся от вывесок Сухаревке на картине «Полночь. Точка Ру» – символ суетности бытия.

Если смотреть работы Парошина одну за другой, обнаруживаешь, как непохож художник сам на себя. Цикл «Дворы нашего детства» при всех оговорках, скорее, дань немодному, но понятному реализму. Не только по форме, но и по содержанию. А вот цикл «Край», хоть и выполнен в реалистической манере – предельный уход от действительности. В нем первые роли отданы свету и тени, а предметы словно всплывают из подсознания, выходят из снов – они едва уловимы. Это сомнамбулическая живопись, в которой попытка узнать и обозначить неуместна и бесполезна. Картины цикла «Край» многие называют крымскими пейзажами. Но это не Крым. Скорее, некий собирательный образ. Фантазия. Мир, где тебе уютно. Отстраненный. Навеванный. Он возник ассоциативно, из раздумий, из снов, в которых все пронзительнее и острее чувствуется, все символично и трудно объяснимо, – говорит художник. – Здесь собирательно всё: и архитектура, которую я нашел в московских дворах, и образы».

«Как-то я гулял с собакой по аллее парка. Было пасмурно. Ветром несло по земле целлофановый пакет. Смотрю: да это же – идет молодая женщина, и ее белое платье развевается от порывов ветра. Так возникла работа «Шепот волны»: мокрый песок, женщина, где-то домик, кипарисы. В общем-то, из ничего. Знали бы вы, из какого мусора возникают замыслы», – перефразирует художник Ахматову.

Улыбчивый, добродушный Владимир Парошин избегает говорить о «задачах художника»: «Все слова – ложь. Святые почему обет молчания давали? Во всех словах, даже если говорят они искренне, есть лукавство. Художник, как и любой другой человек, пытается понять, зачем он здесь, на этом белом свете. Творчество – это то, что держит меня в жизни. То, что я вижу и пытаюсь переосмыслить и другому человеку объяснить и донести. Творчество – опасная тропа между светлым и лукавым, когда легко можно свалиться к чертовщине. И это нужно понимать и чувствовать свою ответственность. Люди же все так доверчивы...»

Дарья РОЩЕНЯ. 2007

январь

Храм Успения Богородицы в Печатниках. 2018

февраль

На исходе дня. 2014

март

Двор в Трубниковском переулке. 1999

апрель

Последний снег в Хохловском переулке. 1999

май

Дом у водопада в Кузьминском парке. 1998

июнь

Сандуны. 2006

июль

Дом на Русаковской улице. 1998

август

Дом с карнизидами. 2002

сентябрь

Последний телефон. 1995

октябрь

Осень в Златоустыинском переулке. 1996

ноябрь

Огни большого города. 1994

декабрь

Короткие дни на улице Достоевского. 2009